

Немецкое население России на рубеже XXI века в зеркале демографической статистики

Демографическая статистика традиционно служит важнейшим источником, позволяющим объективно оценить положение больших групп населения той или иной страны, в частности - людей определенных национальностей. Исследования актуальной проблематики российских немцев, основанные на этом источнике, до недавних пор появиться просто не могли - наша печать, начиная с 1940-х годов, практически не публиковала соответствующих статистических данных. Сегодня это, к счастью, уже не так, и мы имеем достаточно возможностей проанализировать состояние немецкого населения РФ в начале XXI века по сравнению с немецким населением РСФСР в последние десятилетия советского периода.

Сведения о численности немецкого населения по России в целом, субъектам Федерации, а также отдельным городам и двум нашим национальным районам в конце XX - начале XXI вв. содержатся в Энциклопедическом словаре "Немцы России: населенные пункты и места поселения", изданном Общественной Академией наук российских немцев в 2006 г. Продолжая работу в этом направлении, Академия выносит на суд общественности первый детальный демографический анализ современного положения немцев РФ.

Наше исследование основывалось на всех существующих статистических публикациях, содержащих необходимые данные, прежде всего - материалах Всероссийской переписи населения 2002 г. (т. 4 "Национальный состав и владение языками, гражданство" 14-томного официального издания итогов переписи, вышедший в 2-х книгах в 2004 г.) и Всесоюзной переписи населения 1989 г. ("Национальный состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 года", М., 1990). В 1992 г. Госкомстат РФ подготовил небольшую машинописную брошюру, специально посвященную интересующей нас тематике: "Некоторые исторические и статистические материалы о населении немцев в Российской Федерации". Автор данных строк входил в то время в состав государственных комиссий по проблемам немцев России, и на одном из подобных заседаний нам раздали по ксерокопии этой брошюры. Она у меня сохранилась и оказалась хорошим подспорьем в работе, т.к. содержит ряд сведений, не публиковавшихся более нигде. Кроме того, были привлечены итоги остальных Всесоюзных переписей населения и микропереписи населения России 1994 г., официальные данные о выезде немцев из РФ в ФРГ, о миграции немецкого населения в пределах стран бывшего СССР, а также некоторые другие статистические материалы.

В первую очередь необходимо отметить, что за 1989-2002 гг. немецкое население России уменьшилось с 842295 до 597212 чел. (или на 29,1%), а его удельный вес в составе населения РФ - с 0,6% до 0,4%. Для сравнения: немецкое население Российской империи имело численность, соответствующую нашей нынешней, в 1-й трети XIX в., а аналогичный удельный вес - в екатерининские времена. В 2002 г. немцы занимали по численности 15-е место среди народов России, опустившись в этом перечне еще на несколько ступенек. Менее полувека назад, в 1959 г., мы находились в нем на 9-м месте.

Примечательно, однако, что оценки, предшествовавшие переписи 2002 г., выглядели даже более пессимистично. Демографы исходили в своих расчетах из трех показателей - численности немецкого населения в 1989 г., его естественного и миграционного прироста за 13 лет после этого.

Естественный прирост составлял в нашем случае в начале данного периода 0,76% в год (рождаемость - 1,83%, смертность - 1,07%). По тогдашним меркам это были вполне приемлемые цифры (так, у русского населения РСФСР дела обстояли гораздо хуже и соответствующие показатели составили 0,25%, 1,34% и 1,09%). Легко подсчитать, что при

сохранении таких темпов роста и при отсутствии выезда немецкое население РФ увеличилось бы к 2002 г. почти до 930 тыс.

Однако в новой демократической России на смену естественному приросту пришла "естественная" убыль. Так, в 1989-98 гг. последняя составила в данном случае 1,8 тыс. - настолько за эти 10 лет общая смертность немецкого населения РФ превысила его рождаемость. При этом такого рода убыль по всему населению России оказалась намного выше - не 0,2%, как у немцев, а 2,6%. Что касается миграционного прироста, т.е. разности между численностью въехавших в страну и выехавших из нее, то он составил для немцев РФ в 1989-98 гг. 255,9 тыс. - со знаком минус, разумеется.

Экстраполировав отмеченные тенденции естественного и миграционного прироста на последующие три года, нетрудно прийти к выводу, что ко времени переписи населения 2002 г. в России должно было проживать около 550 тыс. немцев. Как видим, специалисты ошиблись примерно на 50 тыс. или почти на 9%.

Подобные ошибки закономерны и, более того, неизбежны. Дело в том, что переписи населения представляют собой по идее акты свободного волеизъявления, результаты которых можно предсказать лишь приближенно. На сей раз демографов "подвели" в основном те наши соплеменники, которые в 2002 г. объявили себя немцами, а в ходе предыдущей переписи по каким-то причинам уклонились от такого шага. С некоторой долей условности можно сказать, что отсюда в России и появились "лишние" 50 тыс. немцев.

Думаю, мы должны отнестись к этому явлению с пониманием и согласиться с современным представлением о том, что национальность человека определяется в первую очередь его собственным самоощущением, а не набором предков с определенными генами и фамилиями, не записью в паспорте или где-то еще. Сегодня в России более престижно считаться немцем, чем в 1989 г., и последняя перепись населения это наглядно продемонстрировала.

Правда, не вполне ясен другой вопрос: насколько в ходе переписи 2002 г. было реально обеспечено свободное волеизъявление? Скажем, когда мы с женой пришли на московский переписной участок, то нам, несмотря на наши явно немецкие фамилии и отчества, поначалу сказали: "Да какие же вы немцы, если всю жизнь прожили в России и свободно говорите на русском?!" В итоге нам пришлось приложить определенные усилия, чтобы нас записали именно теми, кем мы себя считаем сами. Я допускаю, что некоторым нашим соплеменникам этого добиться не удалось. Впрочем, таковые, видимо, не проявили должной настойчивости, а при ее отсутствии у человека в подобной ситуации едва ли уместно говорить о его твердом национальном самоощущении.

Как бы там ни было, я надеюсь, что мы сочтем результаты волеизъявления 2002 г. достаточно убедительными, чтобы, наконец, прекратить распространять байки о миллионах немцев, якобы, еще проживающих у нас в стране. Миллионами в сегодняшней России могут насчитываться разве что лица с немецкими корнями в каком-то колене (правда, точных цифр на сей счет не знает никто, поскольку демографическая статистика такие вещи не учитывает), но никак не люди, считающие себя немцами и реально сохранившие, как принято говорить, "немецкую идентичность".

Отметим также, что общие цифры численности, выявленные последними переписями населения, далеко не характеризуют всего драматизма демографической ситуации немцев России на рубеже XXI века.

Взять, скажем, такой важнейший факт. В 1989 г. в РСФСР насчитывалось всего 5 субъектов Федерации, где большинство немцев проживало в мононациональных семьях: Оренбургская обл. - 64,7%, Калмыкия - 62,3%, Омская обл. - 56,8%, Алтайский край - 55,3%, Волгоградская обл. - 50,1%. Аналогичные данные на 2002 г. отсутствуют, но едва ли можно усомниться в том, что подобных регионов в России больше нет. Это ясно уже потому, что за истекшие 13 лет немецкое население резко сократилось во всех перечисленных субъектах: в

Калмыкии - на 70,6%, Оренбургской обл. - на 62,0%, Омской обл. - на 43,1%, Волгоградской обл. - на 39,1%, Алтайском крае - на 37,4%.

Замечу, что перечисленные регионы трудно было назвать местами притяжения российских немцев и в 70-80-е годы: за этот период их суммарный удельный вес в составе немецкого населения России возрос лишь на 0,7%. Достаточно было в конце 80-х годов открыть доступ российским немцам в Германию, и тут же выяснилось, что мононациональные немецкие семьи, прежде всего - компактно расселенные в сельской местности, склонны к выезду в наибольшей степени. В итоге с карты России стремительно исчезают или уже исчезли последние островки компактного проживания немецкого населения.

Рассмотрим в данной связи и другой основополагающий критерий - долю немцев России (РСФСР), считавших немецкий родным языком. Соответствующий показатель неуклонно снижался еще в период существования СССР: 1926 г. - 95,2%, 1939 г. - 90,5%, 1959 г. - 69,0%, 1970 г. - 56,9%, 1979 г. - 47,5%, 1989 г. - 41,8%. Приведенные цифры неопровержимо свидетельствуют, что переломными в этом плане стали 40-50-е годы.

Основная причина данного губительного явления - многолетняя принудительная ассимиляция в итоге насильственной депортации большинства немецкого населения СССР сталинским режимом, официального запрета на возвращение депортированных и их потомков в места прежнего проживания до 1972 г. и полнейшего нежелания Советского государства способствовать этому жизненно важному процессу в дальнейшем - хорошо известна.

Новые правители России в этом отношении фактически продолжили политику своих предшественников, невзирая на все законодательные и нормативные акты о реабилитации, а также безудержную демагогию власть имущих относительно своего стремления подвести, наконец, черту под преступлениями советского периода против многих неугодных народов бывшего СССР.

"Демократизм" российской власти проявился в данном случае весьма своеобразным образом - она впервые в истории нашей страны решила вообще не фиксировать родной язык граждан в ходе переписи 2002 г., видимо, не желая лишний раз "сыпать соль на раны" очень многим из них. Правда, председатель Госкомстата РФ, выступая по телевидению, не постеснялся выдвинуть на сей счет еще более оригинальную версию - дескать, злополучный вопрос исчез из переписного листа "по случайному недосмотру". Трудно усомниться в том, что в любой стране с ответственной властью высокопоставленный чиновник тотчас поплатился бы за подобную "шалость" своим мягким креслом.

Справедливости ради отметим, что шалуны от российской официальной статистики не решились вовсе устранить из переписных листов проблематику владения языками. В результате выяснились весьма примечательные вещи. Так, оказалось, что немецкий является четвертым по степени распространенности языком на территории современной России - после русского, английского и татарского. Немецким языком владеют сегодня в стране почти 2,9 млн человек, однако лишь 188673 (6,5%) из них составляют сами немцы. Таким образом, родной язык знают менее трети немцев РФ - 31,6%.

На уровне субъектов Федерации подобные сведения опубликованы лишь по пяти автономным образованиям: Кабардино-Балкария - 36,8%, Калмыкия - 33,7%, Хакасия - 30,8%, Коми - 25,6%, Ханты-Мансийский автономный округ - 24,6%. Как видим, ситуация вполне однотипна: из перечисленных регионов лишь в Кабардино-Балкарии и Калмыкии доля немцев, владеющих немецким языком, оказалась чуть выше трети.

Дополнительную информацию на этот счет содержат материалы микропереписи населения России, проведенной в 1994 г. и охватившей 5% населения страны. В то время наш доблестный Госкомстат еще не додумался лишить вопрос о родном языке права на существование.

Судя по итогам этой переписи, уже в 1989-94 гг., т.е. в первые годы массового выезда, процесс ассимиляции немецкого населения РФ резко ускорился: всего лишь за 5 лет доля немцев России, считавших немецкий родным языком, упала с 41,8% до 36,4%. Особенно заметен был этот процесс в следующих субъектах Федерации: Башкортостан - соответственно 46,9% и 35,1%, Коми - 20,6% и 13,8%, Красноярский край - 35,2% и 27,7%, Приморский край - 14,3% и 9,1%, Волгоградская обл. - 50,5% и 35,7%, Новосибирская обл. - 36,6% и 26,6%, Омская обл. - 56,1% и 48,7%, Оренбургская обл. - 65,8% и 56,6%, Самарская обл. - 32,8% и 25,9%, Саратовская обл. - 44,5% и 34,5%, Свердловская обл. - 33,4% и 24,5%.

В ходе микропереписи учитывалась, кроме того, степень владения немцев России немецким языком, что позволяет провести сравнение с соответствующими итогами переписи 2002 г. Как оказалось, эта доля понизилась за 8 лет в целом по РФ с 45,5% до 31,6%, в т. ч. в Калмыкии - с 65,0% до 33,7%, а в Хакасии - с 62,4% до 30,8%. Небольшой рост данного показателя наблюдался только по Республике Коми. Но это явление общей картины не меняет и объясняется, скорее всего, усиленным выездом молодых немцев, наиболее слабо владеющих немецким языком.

Из данных микропереписи вытекает также, что в 1994 г. лишь 12,9% немцев России общались на немецком языке дома, 0,4% преимущественно использовали его в учебном заведении или дошкольном учреждении, а 3,0% - на работе.

Чтобы более наглядно представить динамику демографической ситуации немецкого населения России за 1989-2002 гг., мы воспользуемся современным делением территории страны на федеральные округа, хотя в 1989 г. они еще не существовали.

Центральный федеральный округ. Ситуация в данном регионе наиболее заметно отличается от общероссийской: за указанный период немецкое население возросло здесь во всех субъектах Федерации, не считая только Тульской обл. В 2002 г. на территории округа проживало 33100 немцев - на 24,4% больше, чем в 1989 г. Наименьший прирост наблюдался в Москве (12,9%), тогда как в ряде областей - Воронежской, Липецкой, Орловской, Курской, Белгородской - немецкое население увеличилось более чем вдвое. Примечательно, что все эти области находятся в южной части округа.

Это явление не могло быть результатом естественного прироста населения, тем более - в условиях массового выезда немцев, который наблюдался, конечно, и в Центральной России. Данный процесс трудно объяснить и историческими традициями: ранее заметное сельское немецкое население проживало здесь лишь на нескольких небольших территориях нынешних Воронежской, Тульской и Орловской обл., а городское - главным образом в Москве.

Тут мы имеем дело, очевидно, с притоком в регион немецкого населения из других районов России или из стран СНГ. Конкретные сведения на этот счет не опубликованы, но далее мы увидим, из каких районов могли сюда переселяться немцы. Насколько можно судить, при этом преобладал простой и естественный мотив - перебраться из взрывоопасных, некомфортных или явно депрессивных регионов в более спокойные и пригодные для жизни места.

Нечто подобное, хотя и в меньшей степени, наблюдалось в регионе и в 80-х годах. Так, число немцев в 5 указанных южных областях округа возросло за этот период почти на треть. Однако я бы настоятельно предостерег от преувеличения значимости этого явления, а тем более - от использования его для выдвижения фантазмагорических проектов массового переселения немцев в Центральную Россию, как это, к сожалению, имело место 10-15 лет назад. На 2002 г. в регионе проживало всего 5,6% немцев России (в 1989 г. - 3,2%), и их приток сюда может показаться масштабным только в том случае, если не принять во внимание, что внушительный на вид рост происходил фактически с нулевого уровня.

Что касается Тульской обл., уступавшей в 2002 г. в регионе по численности немецкого населения только Москве, то систематический отток отсюда немцев наблюдается еще с 50-х годов. За это время количество немцев в области снизилось более чем в 2,5 раза. Это -

глубоко закономерный процесс: после депортации небольшого немецкого населения области в 1941 г. немцы были вскоре согнаны сюда насильно, будучи "мобилизованы" на тульские шахты, и выжившие трудармейцы, как и их потомки, естественно, стремились и стремятся уехать подальше от каторжных мест при любой возможности.

Северо-Западный федеральный округ. В этом регионе в 2002 г. проживало 30030 немцев - на 13,3% больше, чем в 1989 г. В итоге удельный вес региона в общей численности немецкого населения РФ повысился с 3,1% до 5,0%. Однако демографическая ситуация здесь гораздо менее однозначна, чем в Центре России.

Фактически отмеченный прирост обеспечила одна Калининградская обл., где численность немцев возросла за 13 лет почти в 6,4 раза, составив 8340 чел. Это явление вызывает в памяти еще один прожект начала 90-х годов - пресловутый "Калининградский вариант". За истекший с тех пор период немецкое население области достигло всего лишь 1,4% от общероссийского уровня (в 1989 г. - 0,2%), и ничто не свидетельствует о том, что здесь могла бы в перспективе поселиться действительно значимая часть (а тем более - большинство) немцев России, как предвещали небезызвестные адепты "Калининградского варианта". Такое развитие событий имеет какие-то шансы стать реальностью только при его поддержке сразу с трех сторон - руководства России, Германии и, естественно, самой области. Ничего подобного по известным причинам не было в 1989 г., не наблюдается сейчас и, очевидно, не последует в обозримом будущем.

Не столь внушительный, но заметный (от 33,6% до 8,3%) прирост немецкого населения наблюдался и в ряде других субъектов округа - Ленинградской обл., Республике Карелия, Вологодской и Новгородской обл., г. С.-Петербурге. Территория С.-Петербурга, Ленинградской и Новгородской обл. принадлежала в прошлом к районам традиционного проживания российских немцев, и можно предположить, что некоторые потомки выходцев из этих мест пожелали вернуться туда, откуда их предков депортировали десятилетия назад. Однако в основном приток немецкого населения в данный регион связан, видимо, с теми же социально-экономическими мотивами, о которых мы вели речь применительно к Центральной России.

Аналогичными социально-экономическими причинами (и, естественно, выездом в Германию) вызвано, думается, сокращение немецкого населения на 16,7-17,0% в Мурманской и Псковской обл. Значительно более сильное падение (на 28,1-29,8%) наблюдалось в Республике Коми и Архангельской обл. Эти два субъекта Федерации были в годы войны местами массового сосредоточения трудармейцев, и исход отсюда российских немцев представляет собой столь же давний и заметный процесс, как в Тульской обл.

Южный федеральный округ. Демографическая ситуация в данном регионе является, пожалуй, самой однозначной. Снижение численности немецкого населения наблюдалось в 1989-2002 гг. во всех субъектах округа, и только в двух из них (Ростовская и Астраханская обл.) темпы этого процесса были достаточно умеренными - соответственно 8,3% и 17,6%. В остальных субъектах число немцев понизилось не менее, чем на треть, а в ряде национальных республик (Калмыкия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия - Алания, Чечня и Ингушетия) - втрое и более, что уже напоминает повальное бегство.

В итоге к 2002 г. на территории округа осталось лишь 59159 немцев - на 41,2% меньше, чем в 1989 г. (максимальные темпы падения среди всех федеральных округов), а удельный вес региона в численности немецкого населения России уменьшился с 12,0% до 9,9%.

Применительно к большинству субъектов округа ситуация вполне объяснима - немцы усиленно покидали беспокойный регион с весьма неблагоприятной экономикой, находя приют в Германии или ближе к центру России.

Не столь просто обстояло дело, пожалуй, лишь в трех субъектах - Волгоградской обл., Краснодарском и Ставропольском краях. Во всех этих случаях речь идет о местах традиционного проживания российских немцев, немцы в значительном количестве возвратились сюда в 70-80-х годах, и отток отсюда после 1989 г. более трети немецкого

населения нельзя связать лишь со взрывоопасной обстановкой или с экономическими трудностями.

На наш взгляд, массовый выезд немецкого населения из этих трех субъектов вызван в немалой степени поселением здесь (особенно в Волгоградской обл. и Краснодарском крае) с 70-х годов многих немцев, живших в мононациональных семьях, сохранивших национальные традиции и желавших их поддерживать, что в условиях 90-х годов было крайне проблематично. На немцев Волгоградской обл. не могла не повлиять и ярая антинемецкая кампания, развязанная в Поволжье (особенно в соседней Саратовской обл.) в конце 80-х - начале 90-х годов.

Приволжский федеральный округ. Ситуация в данном регионе выглядит наиболее парадоксально. С одной стороны, здесь резко понизилась численность немецкого населения в местах традиционного проживания: Оренбургская обл. - на 62,0%, Саратовская обл. - на 29,1%, Башкортостан - на 25,2%; с другой - наблюдался существенный прирост в тех субъектах Федерации, на территории которых немцы в значительном количестве никогда не жили: Нижегородская обл. - 70,3%, Пензенская обл. - 64,0%, Ульяновская обл. - 61,2%, Мордовия - 46,7%, Чувашия - 38,3%.

Более объяснимы существенное уменьшение немецкого населения в Пермской обл. и Удмуртии, где находились крупные трудармейские лагеря, а также небольшое падение в Самарской обл. и Республике Марий Эл или некоторый прирост в Кировской обл. и Татарстане.

В итоге этих противоречивых тенденций к 2002 г. в округе насчитывалось 71460 немцев, что на 36,7% ниже уровня 1989 г., а удельный вес Поволжья в немецком населении России уменьшился с 13,4% до 12,0%. По темпам падения численности немцев округ уступал только Южному федеральному округу. При этом ситуация в разных районах Поволжья, как и история проживания в них немцев, складывалась далеко не одинаково.

Так, в Оренбуржье, где немцы начали поселяться в заметном количестве с конца XIX в. и откуда они не депортировались советским режимом, их численность возросла за 1970-89 гг. лишь на 18,4%, что свидетельствует о практическом отсутствии притока немецкого населения извне. Последующий обвальнй выезд отсюда немцев был вызван их преимущественно компактным проживанием в мононациональных семьях и в сельской местности, о чем мы уже упоминали, а также преобладанием здесь немцев-меннонитов, которые всегда отличались повышенной склонностью к эмиграции.

В какой-то мере этим факторам, думается, могло бы противодействовать воссоздание в Оренбургской обл. Кичкасского немецкого района, ликвидированного в 1938 г. Эта идея дебатировалась в конце 80-х - начале 90-х годов, однако до ее реализации дело так и не дошло.

На территории нынешней Саратовской обл. массовое компактное проживание немцев имеет еще более давние традиции. Именно здесь в середине 1760-х годов возникли первые немецкие колонии в России; в советский период южная часть Саратовского Поволжья входила в состав АССР НП. После ликвидации Немреспублики и депортации поволжских немцев в 1941 г. они долгие десятилетия сохраняли надежду и стремление возвратиться в родные места. Об этом убедительно свидетельствует рост численности немецкого населения Саратовской обл. за 1970-89 гг. более чем в 3,5 раза.

Резкий отток отсюда немецкого населения был вызван не столько проживанием значительной части здешних немцев (48,4% в 1989 г.) в мононациональных семьях, сколько разнузданной антинемецкой кампанией, раздутой саратовскими партократами и их подручными в конце 80-х годов, а также провокационным выступлением президента РФ Б. Ельцина на территории бывшей АССР НП в январе 1992 г. Попутно отмечу, что попытки некоторых саратовских историков обелить задним числом тогдашнюю шовинистическую кампанию и приписать ей сугубо "антиавтономистский", а не антинемецкий характер, как было в действительности, вызывают, в лучшем случае, недоумение.

Отношение к немецкому населению в Башкортостане, напротив, отличается доброжелательностью. Первые немецкие поселения на этой территории возникли еще в конце XIX в., однако существенный рост немецкого населения в Башкирии произошел только за счет размещения здесь трудармейцев и их семей. Последнее обстоятельство и вызвало систематическое снижение численности немцев в республике в 50-80-х годах (в целом - более чем на 16%). На этом фоне отток немецкого населения из Башкортостана после 1989 г. (менее масштабный, чем в целом по Поволжью и России) является вполне закономерным.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на массовый выезд немецкого населения из Поволжья в последние годы, этот регион все еще не утратил своей привлекательности в глазах многих немцев России. Иначе заметный рост немецкого населения в целом ряде субъектов Федерации на этой территории был бы, конечно, невозможен.

Уральский федеральный округ. Демографическая ситуация в данном регионе также складывалась не вполне однозначно. Наличие немецких поселений роли при этом практически не сыграло, т.к. таковые здесь имелись в небольшом количестве только в некоторых районах на юге нынешней территории Челябинской и Курганской обл.

Численность немцев в округе составила в 2002 г. 80899 чел., понизившись за 13 минувших лет на 21,3%. Однако, поскольку темпы снижения оказались меньше общероссийских, доля округа в численности немцев России возросла в 1989-2002 гг. с 12,2% до 13,5%.

Территорию округа можно разделить в наших целях на три части - Свердловская и Челябинская обл., Тюменская обл., Курганская обл., в которых динамика численности немецкого населения существенно различалась.

В Свердловской и Челябинской обл., где находились крупнейшие трудармейские лагеря, количество немцев во время войны резко возросло, а в 50-80-х годах неуклонно снижалось - соответственно в 2 раза и почти на 15%. После 1989 г. эта тенденция усилилась, в результате чего немецкое население уменьшилось к 2002 г. в Свердловской обл. еще на 28,4%, а в Челябинской обл. - на 27,4%.

Тюменская обл., территория которой входила в 1941 г. в состав Омской обл., стала в тот период местом депортации немецкого населения, и после отмены режима спецпоселения в 1955 г. начался отток немцев из этих мест. Ситуация резко изменилась с развертыванием масштабной нефте- и газодобычи на Тюменском Севере. В результате в основных добывающих районах - Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах - численность немцев возросла с 1970 по 1989 гг. соответственно в 4,3 и 4,7 раза, а в Тюменской обл. в целом - в 1,4 раза. В 1989-2002 гг., за счет выезда в Германию, немецкое население в этих местах сократилось, однако не очень значительно: на территории Тюменской обл. (без автономных округов) - на 6,5%, в Ханты-Мансийском округе - на 7,1%, в Ямало-Ненецком округе - на 18,9%.

На территории Курганской обл., не считая нескольких вышеупомянутых немецких поселений, немцы до 50-х годов практически не проживали. В 50-80-х годах немецкое население области возросло в 5,5 раз, однако по-прежнему оставалось незначительным. Этот процесс продолжился и в 1989-2002 гг., когда численность немцев увеличилась на 5,8%.

Сибирский федеральный округ. В результате депортации из Европейской части СССР с 1941 г. подавляющего большинства немецкого населения Сибирский регион стал основным местом проживания немцев в России. Таковым он оставался и в 2002 г., когда здесь все еще проживало свыше половины (51,7%) немецкого населения РФ (в 1989 г. - 53,8%). Только в этом федеральном округе немцы составляют более 1% всего населения (2,2% в 1989 г. и 1,5% в 2002 г.). Тем не менее, численность немецкого населения в регионе уже с 50-х годов имеет тенденцию к понижению, составив в 2002 г. 308727 чел., т.е. на 31,9% меньше уровня 1989 г. (453182 чел.).

Демографические процессы среди немецкого населения Сибири определяются тем обстоятельством, что в этом регионе имеются как места традиционного проживания немцев с конца XIX - начала XX вв. (Алтайский край, Омская обл., частично - Новосибирская обл. и Красноярский край), так и районы депортации или местонахождения трудармейских лагерей (Бурятия, Хакасия, Иркутская, Кемеровская, Томская обл., те же Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская обл.).

Эта противоречивая историческая реальность породила в 50-80-х годах в некоторых районах Сибири (Алтайский край, Омская и Читинская обл., Хакасская и Горно-Алтайская АО, Тувинская АССР) определенный рост немецкого населения, а в других (Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская и Томская обл., Бурятская АССР) - напротив, его заметное снижение.

В 1989-2002 гг. ситуация стала, на первый взгляд, более однозначной, т.к. небольшой рост немецкого населения (на 8,8%) наблюдался в этот период в Сибири только в одном субъекте Федерации - Республике Алтай (бывшая Горно-Алтайская АО). Однако темпы снижения в остальных субъектах различались весьма существенно. Самое сильное падение (более чем на треть) наблюдалось в основных оставшихся местах компактного проживания немцев в Сибири и России - Омской обл. (на 43,1%) и Алтайском крае (37,4%), а также в Республике Тыва (бывшая Тувинская АССР; 41,2%) и Читинской обл. (на 34,8%). В остальных субъектах темпы падения варьировались от 27,2% (Бурятия) до 13,5% (Томская обл.).

Тенденция к особенно интенсивному выезду немецкого населения, компактно проживающего в сельской местности, охватила и оба немецких национальных района, расположенные в регионе. Так, в Азовском немецком районе Омской обл. численность немцев понизилась в 1992-2002 гг. на 7,9%, а их доля в населении - с 59,6% до 47,9%. Из Немецкого района Алтайского края за первые 6 лет его существования (1991-97 гг.) выехало около 80% жителей. Эти два района могли бы уже утратить свой национальный облик, если бы не заметный приток немецкого населения из других мест, в частности - из Казахстана.

Дальневосточный федеральный округ. Данный регион занимал и занимает последнее место среди федеральных округов по численности немецкого населения. Количество немцев на Дальнем Востоке понизилось за 1989-2002 гг. с 19532 до 13747 чел., т.е. на 29,6%, что приблизительно равно соответствующему общероссийскому показателю. В итоге доля региона в немецком населении России осталась неизменной - 2,3%.

В регионе имелись немногочисленные немецкие населенные пункты, возникшие в начале XX в. (Приморье) и в 1920-е годы (Приамурье), однако они окончательно исчезли еще в 1941 г., когда было депортировано их население. В тот период многие дальневосточные районы (Якутия, Хабаровский край, Амурская, Магаданская и Сахалинская обл.) стали местами депортации немецкого населения, что с середины 50-х годов повлекло его отток отсюда. В 70-80-х годах на Дальнем Востоке наблюдалось заметное увеличение численности немцев (в целом - более чем в 2 раза), охватившее в той или иной степени все районы региона и вызванное его динамичным социально-экономическим развитием.

С прекращением последнего процесса в результате развала СССР немцы, как и остальное население, стали покидать Дальний Восток. Это явление отмечалось в наибольшей мере в Магаданской обл. и Якутии, где немецкое население уменьшилось за 1989-2002 гг. соответственно на 59,2% и 44,3%. В остальных субъектах в этот период наблюдалось падение численности немцев от 32,0% (Камчатская обл.) до 14,7% (Приморский край).

Наглядное представление об изменениях в размещении немецкого населения на территории России дают итоги переписей 1979, 1989 и 2002 гг. по 80 регионам (остальные 9 субъектов Федерации, существовавшие в 2002 г., - это те автономные округа, соответствующие данным по которым за 1979 и 1989 гг. не публиковались).

В 1979-89 гг. немецкое население РСФСР увеличилось на 6,5%, что ниже темпов роста по республике в целом - 7,0%. При этом возрастание численности немцев наблюдалось в 59

регионах (т.е. значительном их большинстве), однако основная масса последних - 40 - находилась в европейской части РСФСР.

В 1989-2002 гг., как мы отмечали, немецкое население России сократилось на 29,1% (в целом по населению РФ падение численности составило 1,3%). За этот период рост немецкого населения наблюдался лишь в 32 регионах (т.е. их явном меньшинстве), и все они, не считая двух, относятся к европейской части страны (точнее говоря, к трем федеральным округам - Центральному, Северо-Западному и Приволжскому). Примечательно, что ни один из этих регионов не принадлежал к местам выселения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в 27 из 30 подобных европейских регионов количество немцев возрастало также в 80-е годы.

Таким образом, динамика численности немецкого населения России в 1989-2002 гг. вполне убедительно отражает не только процесс массового выезда немцев в Германию, но и их миграцию в пределах территории РФ - с востока на запад, а в европейской части страны - с севера и юга в центральные районы. Важно также, что эти миграционные тенденции наблюдаются уже не одно десятилетие, т.е. носят не случайный, а устойчивый характер.

Насколько такая картина специфична именно для немцев России? В 1979-89 гг., когда темпы роста немецкого и совокупного населения РСФСР были близки, во многом совпадали и соответствующие демографические тенденции на местах: в 50 регионах в обоих случаях имело место увеличение населения, а в двух регионах - уменьшение. Полное совпадение - повсеместный рост населения - наблюдалось при этом на Дальнем Востоке.

В 1989-2002 гг. ситуация кардинально изменилась - как общая динамика численности населения, так и местные демографические тенденции стали существенно отличаться. Совпадение отмечалось лишь в 36 регионах: в 6 происходил параллельный рост, в 30 - аналогичное падение. Совершенно однотипной по-прежнему оставалась ситуация в Дальневосточном федеральном округе - теперь здесь всюду уменьшалось как немецкое, так и остальное население. Почти так же обстояло дело и в Сибири. Жители в массовом порядке покидали эти территории, однако, в отличие от немцев, направлялись, судя по всему, в основном в Южный федеральный округ (не считая, естественно, его национальных автономий). Во всяком случае, ни Центральная Россия (кроме Москвы), ни Северо-Запад, ни Поволжье такими центрами притяжения явно не служили.

Опубликованные материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. содержат по большинству субъектов Федерации только данные об общей численности немцев, а также их владении русским (но не немецким!) языком. Более детальные сведения об интересующих нас вопросах можно почерпнуть оттуда лишь по 22 основным регионам проживания немецкого населения.

К таковым, по мнению организаторов переписи, относились: Центральный федеральный округ - Тульская обл.; Северо-Западный федеральный округ - Республика Коми; Южный федеральный округ - Кабардино-Балкария, Калмыкия, Краснодарский край, Волгоградская обл.; Приволжский федеральный округ - Оренбургская, Пермская, Самарская и Саратовская обл.; Уральский федеральный округ - Свердловская, Тюменская (с выделением Ханты-Мансийского автономного округа) и Челябинская обл.; Сибирский федеральный округ - Хакасия, Алтайский и Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская обл.

Как видно, в этом перечне вовсе обойден Дальневосточный федеральный округ и присутствуют всего по 1 субъекту из Центрального и Северо-Западного округов. На наш взгляд, здесь недостает целого ряда субъектов Федерации - Москвы, С.-Петербурга, Ставропольского края, Ростовской обл., Башкортостана, Приморского и Хабаровского краев, где в каждом случае живет не одна тысяча немцев и где история проживания немецкого населения насчитывает многие десятилетия.

А уж возмутительное умолчание о немцах Калининградской обл., составляющих 0,9% ее населения, иначе, как политическими (точнее - политиканскими) мотивами, объяснить

вообще невозможно. Отметим хотя бы, что в 2002 г. в России имелось всего 9 субъектов Федерации с более высоким соответствующим показателем, причем все они находились за Уралом: Омская обл. - 3,7%, Алтайский край - 3,0%, Новосибирская обл. - 1,8%, Хакасия - 1,7%, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ - 1,5%, Томская обл. - 1,3%, Красноярский край, Кемеровская и Тюменская обл. - по 1,2%. После того, как Красноярский край поглотил свои автономные округа, таких субъектов и вовсе осталось 8.

Как бы там ни было, нам в дальнейшем придется ограничиться анализом демографической ситуации немецкого населения в целом по России и в указанных 22 субъектах.

Заметим, что при разработке и публикации материалов переписи 1989 г. таких территорий "преимущественного проживания" немцев РФ оказалось и того меньше - 17. Через 13 лет Госкомстат решил добавить к прежнему перечню Хакасию, Ханты-Мансийский округ, Иркутскую, Самарскую и Тульскую обл., хотя во всех этих субъектах, в отличие от Калининградской обл., численность немецкого населения за истекший период заметно снизилась.

Прежде всего рассмотрим такой важный процесс, как урбанизацию немцев России, находящую выражение в нарастании доли их городского населения. В послевоенный период удельный вес горожан неуклонно повышался: 1959 г. - 43,9%, 1970 г. - 47,1%, 1979 г. - 51,0%, 1989 г. - 53,5%, 2002 г. - 56,8%. В этом отношении немцы следовали общероссийской тенденции - правда, с заметным отставанием: в целом по РФ население было преимущественно городским еще в 1959 г., а в 2002 г. в городских поселениях проживало уже 73,3% жителей.

Однако в последние годы среди немцев России наметилась, как ни странно, обратная тенденция - к снижению доли городского населения. Отдельные факты такого рода наблюдались и ранее. Так, в 1970-89 гг. несколько упал удельный вес немцев-горожан в Самарской обл., а в 1979-89 гг. - в Тульской и Челябинской обл. В первом случае это было вызвано притоком в регион сельских жителей, в двух других - повышенной смертностью возрастного городского населения, значительную часть которого составляли бывшие трудармейцы.

В 1989-2002 гг. подобные исключительные случаи стали едва ли не правилом: за этот период уменьшилась доля горожан в 11 из 21 вышеперечисленного субъекта Федерации (без Ханты-Мансийского округа) - Республике Коми, Тульской, Пермской, Свердловской, Тюменской, Челябинской, Кемеровской обл., но особенно заметно в Калмыкии (с 32,5% до 26,5%), Волгоградской обл. (с 53,4% до 49,3%), Самарской обл. (с 88,8% до 80,2%), Томской обл. (с 59,6% до 54,1%). Дело тут, конечно, не в массовом переезде жителей городов в сельскую местность. На наш взгляд, эта тенденция связана в первую очередь с тем, что более консервативное сельское немецкое население проявило меньшую готовность к выезду.

Принципиально иначе ситуация складывалась лишь в нескольких регионах - Оренбургской обл. (где доля городского населения возросла с 37,5% до 53,8%), Омской обл. (с 36,2% до 41,5%), Саратовской обл. (с 36,1% до 41,7%), Красноярском крае (с 51,0% до 55,6%), Хакасии (с 43,6% до 49,6%). Здесь сельское немецкое население либо в значительной мере проживало в мононациональных семьях (Оренбургская, Омская и Саратовская обл.), либо в свое время оказалось в регионе в результате депортации (Красноярский край и Хакасия). Оба этих обстоятельства закономерно усиливали склонность людей к выезду.

Еще более неожиданными могут показаться данные о доле мужчин в общей численности немцев России: 1959 г. - 46,7%, 1970 г. - 48,2%, 1979 г. - 48,8%, 1989 г. - 49,1%, 2002 г. - 48,6%. До 1989 г. все выглядит объяснимо. Исходный уровень показателя был катастрофически низок прежде всего из-за огромной смертности немцев-мужчин в "трудармии", а затем, за счет смены поколений, численность мужчин и женщин стала постепенно выравниваться. Однако после 1989 г. процесс внезапно пошел вспять.

Надо сказать, что в этом отношении немцы в России не одиноки: в целом по стране доля мужчин понизилась в 1989-2002 гг. с 46,7% до 46,6%. Причина достаточно известна - в этот период в РФ наблюдалась чрезвычайно высокая смертность мужского населения. Данный процесс не обошел, к сожалению, и немцев России, но только им объяснить приведенные цифры нельзя. Мы увидим ниже, что мужчины-немцы были затронуты этим губительным явлением значительно меньше наиболее многочисленных русских мужчин, тогда как доля мужского населения в первом случае, напротив, упала еще сильнее. Статистика объяснила этот парадокс уже задолго до 2002 г.: по данным 1991 г., среди взрослых переселенцев из России в Германию мужчины составили 53%, а женщины - 47%.

В 1979-89 гг. снижение удельного веса немцев-мужчин наблюдалось лишь в Краснодарском крае (с 48,1% до 48,0%), а также в Тульской, Свердловской, Челябинской и Иркутской обл. В последних четырех случаях это было связано с естественным сокращением непропорционально большого мужского населения, отбывавшего "трудармию" в данных регионах.

Напротив, за 1989-2002 гг. доля мужчин увеличилась только в Самарской обл. (с 46,1% до 47,5%) и Алтайском крае (с 48,4% до 48,7%), оставшись неизменной в Хакасии (47,8%). Наиболее заметно этот показатель понизился за данный период в Тульской обл. (с 57,9% до 53,9%), Кабардино-Балкарии (с 47,4% до 45,3%), Калмыкии (с 47,9% до 45,7%), Пермской обл. (с 50,1% до 48,6%), Свердловской обл. (с 50,9% до 49,3%), Челябинской обл. (с 51,0% до 49,2%), Иркутской обл. (с 53,0% до 50,5%). Не считая Кабардино-Балкарии и Калмыкии, откуда наблюдался повальный выезд немецкого населения, это явление в перечисленных регионах было во многом связано с тем же естественным процессом, о котором шла речь чуть выше.

За 13 лет разительно изменилась и возрастная структура немецкого населения России. Мы проведем сравнение по тем вышеуказанным 17 субъектам Федерации, которые были выделены в качестве территорий "преимущественного проживания" немцев как в 1989 г., так и в 2002 г. Напомним, что трудоспособным у нас в стране считается возраст 16-60 лет для мужчин и 16-55 лет для женщин.

Так вот, за данный период удельный вес немцев моложе трудоспособного возраста понизился во всех 17 субъектах, причем наиболее заметно - в Омской обл. (с 26,4% до 20,4%), Алтайском крае (с 22,4% до 16,1%), Оренбургской обл. (с 28,4% до 17,3%), Краснодарском крае (с 19,2% до 13,4%), Тюменской обл. (с 39,5% до 13,7%), Волгоградской обл. (с 23,0% до 17,1%), Саратовской обл. (с 26,2% до 19,2%), Кабардино-Балкарии (с 24,5% до 17,4%), Калмыкии (с 31,6% до 23,4%). Именно в этих регионах в 1989 г. проживало самое молодое немецкое население, средний возраст которого составлял от 25,1 лет (Тюменская обл.) до 37,7 лет (Краснодарский край).

Не лучше обстоит дело и в тех 5 регионах, по которым отсутствуют соответствующие данные за 1989 г. Доля немцев моложе трудоспособного возраста составила здесь в 2002 г.: Тульская обл. - 8,3%, Самарская обл. - 11,8%, Ханты-Мансийский округ - 15,9%, Хакасия - 14,7%, Иркутская обл. - 10,8%.

В целом по России в 2002 г. среди немцев насчитывалось лишь 14,3% людей моложе трудоспособного возраста. Для сравнения: у русских этот показатель составил 17,7%, хотя русское население РФ традиционно отставало от немецкого по уровню рождаемости и далеко не отличалось высокой рождаемостью в последние годы.

Отметим также, что уже в 1991 г. более трети (35%) переселенцев из России в Германию составляли дети и подростки моложе 18 лет. Этим и объясняется резкое снижение доли немцев моложе трудоспособного возраста. Дело не только в особенно интенсивном отъезде самого подрастающего поколения. Массовый выезд молодых семей повлек за собой катастрофическое падение рождаемости. Прежде всего поэтому, а не из-за роста смертности (хотя имело место и данное явление), в 1989-98 гг. среди немецкого населения России, как

отмечалось выше, число умерших впервые после войны превысило численность родившихся.

Напротив, доля немцев старше трудоспособного возраста, составившая в 2002 г. в целом по РФ 20,1%, имела тенденцию к росту, причем это явление наблюдалось в большинстве регионов массового проживания немецкого населения - Алтайском и Красноярском краях, Омской, Новосибирской, Оренбургской, Тюменской обл., а также в Калмыкии. За счет уменьшения удельного веса наиболее молодого населения почти повсеместно (за исключением Новосибирской обл. и Красноярского края) возросла и доля немцев трудоспособного возраста. Этот показатель составил в целом по России почти 2/3 - 65,6%.

При этом ситуация среди городского и сельского населения сильно отличалась. На селе за счет более высокой рождаемости доля немцев моложе трудоспособного возраста составила 17,6% (в городе - всего 11,8%). Несколько больше осталось в селах и людей старше трудоспособного возраста - 21,2% (в городах - 19,3%). В результате доля немцев трудоспособного возраста оказалась в сельской местности гораздо ниже, чем в городской (соответственно - 61,2% и 68,9%).

В общем итоге немецкое население РФ заметно постарело: его средний (или, как выражаются демографы, медианный) возраст составил в 2002 г. 39,7 лет, а в сельской местности - даже 40,0 лет. Среди 42-х наиболее крупных народов России немцы являются одним из самых возрастных, находясь в этом отношении на 35-м месте.

Средний возраст немецкого населения понизился за 13 лет лишь в Челябинской обл. и остался неизменным в Саратовской обл. Самое сильное постарение (на 3 года и более) наблюдалось в Алтайском и Красноярском краях, Оренбургской и Тюменской обл. В Пермской, Кемеровской, Свердловской, Новосибирской, Томской, Челябинской обл., Красноярском и Краснодарском краях, Республике Коми средний возраст немцев превысил 40 лет (в 1989 г. такое явление наблюдалось только в 5 из 9 перечисленных субъектов Федерации).

Наиболее детальное отражение демографических процессов, происходящих среди немцев России, содержат сведения переписи 2002 г. о численности населения по возрастным группам, составленным с интервалом в 5 лет (0-4 года, 5-9 лет и т.д.).

Здесь обращают на себя внимание в первую очередь данные о людях в возрасте 70 лет и старше, т.е. 1932-го и более ранних лет рождения. Это - поколение трудармейцев, их жен и вдов, а также подростков военного лихолетья. Они насчитывали в 2002 г. 52382 чел., т.е. 8,8% немецкого населения России. Среди этих людей совсем мало мужчин - всего 35,9%, или почти на 15 тыс. меньше, чем женщин. В большинстве своем эти недостающие мужчины, очевидно, сложили безвинные головы в навеки проклятой "трудармии". Но эта цифра, разумеется, далеко не отражает полной численности ее жертв - ведь в данном случае мы судим о них только по тем немногим бывшим трудармейцам и их сверстникам, которые дожили до наших дней.

Напротив, динамика рождаемости в 1933-2002 гг. отражена переписью весьма наглядно. Конечно, точного представления на сей счет перепись дать не может - уже потому, что среди людей старших из этих возрастов многих больше нет в живых, а младшие, как отмечалось, составляли непропорционально высокую долю в составе выехавших в Германию. Тем не менее, самые существенные изменения рождаемости за эти 70 лет просматриваются вполне отчетливо. Чтобы в этом убедиться, мы разделим данный период на интервалы по 15 лет (в одном случае - 10 лет).

Первый интервал (1933-47 гг.) пришелся на самые тяжелые годы - время голода 1933 г., массовых политических репрессий, войны, депортации и трудармии. За этот период родились 74346 (12,4%) нынешних немцев России - всего лишь по 5,0 тыс. чел. в среднем за год. Последний показатель достиг абсолютного минимума в 1943-47 гг. - 2,8 тыс. чел. в год.

Второй интервал (1948-62 гг.) - это период послевоенного подъема рождаемости. За это время родились 169505 нынешних немцев России - в среднем 11,3 тыс. чел. в год. Эти люди составляют сегодня 28,4% немецкого населения РФ. Показатель среднегодовой рождаемости достиг абсолютного максимума за рассмотренные 70 лет в 1953-57 гг. - 12,3 тыс. чел.

В третьем интервале (1963-72 гг.) наблюдался заметный спад рождаемости - эти годы пришлось на детородный возраст малочисленных уроженцев военных и первых послевоенных лет. За данный период родились 69903 (11,7%) нынешних немцев России - в среднем 7,0 тыс. чел. в год.

Четвертый интервал (1973-87 гг.) пришелся на детородный возраст многочисленного послевоенного поколения, что вызвало повторный (хотя и не столь резкий) всплеск рождаемости. За это время родились 155015 (26,0%) нынешних немцев России - в среднем 10,3 тыс. чел. в год.

Наконец, в пятом интервале (1988-2002 гг.) произошло наложение двух негативных процессов - вступления в детородный возраст относительно малочисленных детей 60-х - начала 70-х годов и обвального падения рождаемости из-за выезда молодых семей. В итоге за данный период родились лишь 76023 (12,7%) нынешних немцев России - в среднем 5,1 тыс. чел. в год, т.е. почти столько же, как в крайне неблагоприятном первом интервале.

На 2002 г. в России проживали 544792 немца моложе 70 лет. Доля мужского населения составляла среди них 49,8% - почти половину. Отсюда, казалось бы, следует, что у немцев России в послевоенный период практически не наблюдалось повышенной смертности мужчин. Однако в действительности это не так - мы ведь еще не приняли во внимание явление, хорошо известное демографам: мальчики в нашей стране появляются на свет несколько чаще девочек, и в результате среди младших возрастов наблюдается заметное преобладание мужского пола.

Так, у немецких детей в возрасте 0-4 года и 5-9 лет доля мальчиков составляла в 2002 г. по 52,7%. Перевес мужской части населения над женской сохраняется у немцев вплоть до возраста 40-44 года. Затем, однако, доля мужчин начинает ощутимо падать - от 49,9% (возраст 45-49 лет) до 42,9% (65-69 лет). Таким образом, вместо избытка появляется недостаток мужчин в 0,1-7,1%. Напомню, что даже самые старшие из этих людей родились в 1933 г., а потому приведенные цифры не имеют отношения к высокой смертности немецких мужчин в трудармии.

Чтобы оценить масштабы затронутого явления, обратимся к аналогичным данным по русскому населению РФ. Среди русских недостаток мужчин (0,2%) наблюдается уже в возрасте 25-29 лет и далее, непрерывно нарастая, достигает 12,3% в возрастной группе 65-69 лет. Картина, как видим, гораздо более зловещая. Здесь не место говорить о причинах этого явления, и к тому же они достаточно известны. Отмечу только, что оно характерно главным образом для городского населения. Среди сельских жителей до 70 лет доля мужчин составляет у русских 49,7%, а у немцев - даже 50,2%. В этой части населения показатели у русских заметно хуже, чем у немцев, лишь в двух старших возрастных группах - 60-64 года и 65-69 лет.

Выявленные отличия находят выражение и в показателе ожидаемой продолжительности жизни. Так, в 1989 г. она составляла среди немецких и русских мужчин России соответственно 66,0 и 64,5 лет, тогда как у женщин двух национальностей эта величина совпадала (по 74,6 года).

Перепись 2002 г. впервые дает представление о семейном положении немцев России. Соответствующая статистика охватывает всех людей от 16 лет и старше, а также тех лиц до 16 лет, которые уже состоят в браке. Последних в нашем случае совсем мало (мужчин нет вовсе, а женщин - 7 чел. на всю страну, причем все они состоят в незарегистрированном браке): у современных российских немцев не приняты столь ранние браки. Отметим также, что в целом показатели семейного положения немецких мужчин и женщин заметно отличаются друг от друга.

Женщины раньше начинают обзаводиться семьей, и в возрасте до 30 лет удельный вес замужних женщин значительно превышает долю женатых мужчин. Однако затем этот показатель все более изменяется в пользу мужчин - за счет нарастания доли вдовых, а также разведенных женщин. В итоге оказывается, что в браке состоят 71,3% мужчин и лишь 58,8% женщин.

При этом немалая часть наших людей (7,8% мужчин и 6,7% женщин) состоит в незарегистрированных браках. Вопреки распространенному представлению, подобное явление характерно отнюдь не только для молодежи. В возрасте до 20 лет удельный вес незарегистрированных браков в их общем количестве, естественно, наиболее высок, превышая 1/3, но к 35 годам этот показатель опускается до среднего уровня (у мужчин - 10,9% всех браков, у женщин - 11,5%) и далее изменяется очень мало.

На мой взгляд, это явление вызвано тем, что российские немцы не питают особого почтения к гражданскому браку еще с 20-х годов, когда он стал вводиться взамен насильно упраздненного властями церковного брака, к которому люди относились с глубоким уважением. Эта позиция только укрепилась в период трудармии и спецпоселения - ведь в то время на пути вступления российских немцев в официальный брак воздвигались различные искусственные препоны.

Среди совершеннолетних немцев никогда не состояли в браке 20,0% мужчин и 15,9% женщин. Эти цифры довольно высоки главным образом за счет относительно молодых людей, еще не успевших вступить в брак. К 40 годам данный показатель опускается ниже 5% и затем почти неуклонно падает, составляя у мужчин в возрасте 70 лет и более всего 0,9%. У немецких женщин ситуация выглядит несколько иначе. Если среди женщин от 65 до 69 лет никогда не были замужем лишь 2,7%, то в возрастной группе 70 лет и старше лет вдвое больше - 5,4%. За этим скачком скрыта жизненная драма многих тысяч немецких женщин, потенциальные мужья которых погибли в трудармии.

Доля вдовых людей у мужчин намного ниже, чем у женщин, - соответственно 3,6% и 16,2%. Дело не только в повышенной смертности мужчин, о которой шла речь выше, но и в том, что овдовевшей женщине по понятным причинам гораздо трудней вступить в новый брак. Аналогичным образом объясняется и то обстоятельство, что разведенных мужчин оказалось почти вдвое меньше, чем женщин (5,0% и 9,1%), хотя количество разводов среди тех и других примерно одинаково.

По-разному выглядит ситуация также в городах и селах. На селе несколько выше удельный вес мужского населения, менее ощутима повышенная смертность мужчин, более распространены как ранние, так и незарегистрированные браки, а разводы, напротив, наблюдаются реже. В результате всех этих факторов доля совершеннолетних людей, состоящих в браке, составляет в городской и сельской местности среди немецких мужчин соответственно 69,1% и 74,5%, а у женщин - 55,3% и 63,7%.

Представляет интерес и сравнение семейного положения немецких и русских жителей России. Давно навяз в зубах тезис о том, что 2/3 российских немцев, якобы, живут в межнациональных браках. В действительности же эта цифра относится не ко всем, а только ко вновь заключаемым бракам. Так, в 1989 г. (последнем, за который были опубликованы соответствующие данные) в СССР вступили в межнациональные браки, главным образом - с русскими, 66,9% заключивших брак немцев и 64,4% немок. Конечно, это очень высокие показатели. Тем не менее, существенно разное отношение к браку сохранялось в нашей стране у русских и немцев и в 2002 г.

Это проявляется в том, что среди русских заметно меньше удельный вес людей, состоящих в браке (у мужчин - 62,3%, у женщин - 52,0%), за счет большей доли никогда не вступавших в брак, вдовых, разведенных или просто не указавших своего семейного положения, чем среди немцев. Данное явление наблюдается практически во всех группах населения, но всего заметнее оно у наиболее консервативных в отношении семейных традиций групп - мужчин и селян, а также, как ни странно, у относительно молодых людей.

Среди последних прослеживается любопытная закономерность: брачные показатели русских ближе к показателям не их немецких ровесников, а немцев, которые моложе на 5 лет. Получается, что немцы несколько раньше созревают для семейной жизни. В целом русские позже и реже вступают в брак, а также менее охотно создают новые семьи, овдовев или оказавшись в разводе.

По нашему мнению, соответствующая статистика должна послужить предметом для серьезных и действенных размышлений - не столько о разном отношении к браку среди народов России, сколько о явном кризисе института семьи как такового, все более ощутимой эрозии семейных ценностей. Немецкое население РФ, несмотря на все невзгоды советских и постсоветских времен, сумело в большей мере сохранить традиционную привязанность к семье, но эти кризисные явления наблюдаются, конечно, и у него. Об этом свидетельствует уже большое количество разводов, которые никогда не были характерны для российских немцев.

В последние месяцы в руководстве России много и охотно говорят о необходимости повышения рождаемости. Между тем, демографам хорошо известно, что переломить неблагоприятные тенденции в данной области чрезвычайно сложно для любой страны. Нынешняя попытка добиться этого в РФ тем более обречена на неудачу, если широко разрекламированная программа стимулирования деторождения останется изолированной мерой и не будет дополнена многообразными формами государственной поддержки семьи как таковой.

Приступая к анализу уровня грамотности и образования немцев России, нельзя не отметить, что деятели из Госкомстата РФ решили превзойти своих советских предшественников, различавших специальное и общее среднее образование, и полностью разграничили профессиональное и общее образование. Однако это нововведение увенчалось труднообъяснимыми странностями.

Так, вопрос 8.3 из образцов переписных листов, опубликованных в т. 4 итогов переписи 2002 г., недвусмысленно свидетельствует, что одной из возможных форм образования является основное (неполное среднее) профессиональное образование. Между тем, при публикации материалов переписи в том же томе такая форма вообще не отражена. Зато там выделено как начальное профессиональное, так и начальное общее образование.

Просуммируем соответствующие данные и посмотрим, как они соотносятся с показателями начального образования немецкого населения РСФСР, опубликованными по итогам переписи 1989 г. Результат получается убогоумрачительный: доля немцев с начальным образованием резко возросла во всех основных 17 регионах их проживания! Но как такое возможно, если среди молодежи, чей уровень образования был впервые отражен переписью 2002 г., людей с начальным образованием весьма немного, а значительная часть пожилых немцев, имевших подобное образование в 1989 г., с тех пор уже ушла из жизни?

Этот феномен нельзя объяснить и преимущественным выездом молодежи, о котором мы вели речь выше. Если данный фактор сказался в нашем случае настолько существенно, то он должен был аналогичным образом повлиять и на удельный вес немцев, не имеющих даже начального образования, - ведь эти две категории в основном принадлежат к одной и той же возрастной группе людей, родившихся в годы войны и ранее. Однако доля немцев без начального образования за истекшие 13 лет, напротив, резко понизилась во всех учтенных регионах.

На мой взгляд, эти явные неувязки могут иметь лишь одно рациональное объяснение - издатели итогов переписи попросту спутали основное и начальное профессиональное образование. Иначе говоря, опубликованные данные о последнем относятся к неполному среднему профессиональному образованию, а люди, имеющие начальное профессиональное образование, были учтены в графе "общее начальное образование".

Приняв во внимание это обстоятельство и сравнив уровень образования по 17 регионам в 1989 и 2002 гг., мы обнаружим на удивление однотипную картину - повсеместное заметное

повышение доли немцев с высшим, незаконченным высшим, средним специальным и неполным средним образованием при аналогичном падении удельного веса людей со средним общим и начальным образованием, а также тех, кто не имели последнего.

Почти все эти явления легко объясняются тем обстоятельством, что в чисто количественном отношении, т.е. по численности обучаемых, наша система образования за истекшие 13 лет заметно продвинулась вперед (о качественной стороне этого процесса мы умолчим - тем более, что демографическая статистика ее никак не отражает). Не вполне ясна только тенденция в области общего среднего образования. Мне представляется, что падение его удельного веса обусловлено существенным ростом доли людей с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, о чем мы упоминали, а также особенно интенсивным выездом молодежи. Данные за 2002 г. как раз свидетельствуют, что максимальный удельный вес людей с общим средним образованием наблюдается среди немцев России в возрасте 15-24 лет.

Сравнительный уровень образования в разных регионах изменился за 13 лет весьма незначительно. Как в 1989 г., так и в 2002 г. наибольшая доля немцев с высшим и незаконченным высшим образованием отмечалась в индустриальных областях с преимущественно городским немецким населением и развитой вузовской системой - Томской (результат деятельности многочисленных томских вузов, известных далеко за пределами области), Челябинской, Тюменской, Свердловской, Пермской. Напротив, хуже всего дела в этом отношении обстояли в регионах с преобладанием сельского немецкого населения - Калмыкии, Алтайском крае, Волгоградской и Омской обл. Последние регионы отличаются также повышенной долей немцев с начальным образованием и без такового.

Перепись 2002 г. вновь подтвердила известное прискорбное обстоятельство - общее отставание немцев России в области образования. Это явление обычно связывают лишь с дискриминационной политикой советского режима в отношении российских немцев в военные и послевоенные годы. При тщательном изучении демографической статистики вырисовывается значительно более сложная картина.

Так, в 1926 г. немцы РСФСР заметно опережали совокупное население республики по уровню грамотности (соответственно 56,7% и 40,7%), однако 90,5% немцев (а в сельской местности, где проживало подавляющее большинство немецкого населения, - даже 96,0%) владели грамотой на родном языке. В этих условиях образовательный уровень немецкого населения зависел в первую очередь от наличия собственных национальных школ и вузов. Между тем, сеть таких учебных заведений была развита весьма слабо, что и подтвердила перепись населения 1939 г.

Согласно ее соответствующим итогам (опубликованным, что примечательно, только в 1999 г.), уровень грамотности немецкого населения был тогда заметно выше среднего по РСФСР, однако главным образом за счет людей 50 лет и старше, получивших образование еще в досоветский период. А вот в возрастной группе 9-49 лет немцы уже начинали отставать: немецкие мужчины этого возраста уступали в грамотности своим сверстникам как по РСФСР в целом, так и на территории АССР НП.

Что касается доли лиц со средним и высшим образованием, то здесь ситуация складывалась, на первый взгляд, парадоксально: среди селян немцы находились примерно на среднем уровне, среди горожан - даже выше (тоже, очевидно, во многом за счет людей старшего возраста), а в целом заметно отставали. Разгадка проста: среди немцев было гораздо больше сельских жителей, которые в то время сильно уступали горожанам по степени приобщения к среднему, а тем более высшему образованию. В АССР НП показатели среднего и высшего образования были хуже средних по РСФСР как в целом, так и - особенно заметно - в городах. Правда, среди селян Немреспублика, напротив, опережала средний уровень. В области высшего образования при этом, видимо, начинала сказываться деятельность нескольких вузов АССР НП, первый из которых (Немпединститут) был открыт в 1929 г.

Перепись 2002 г. дает нам подробные данные об уровне образования и грамотности по возрастным группам. Ранее такого рода сведения содержали только итоги переписи населения 1897 г. - первой и единственной в Российской империи. Теперь мы впервые получаем конкретное (хотя, конечно, далеко не полное) представление о том, какой силы удар был нанесен по образованию немцев России в годы сталинской депортации, трудармии и спецпоселения, когда система нашего национального образования подверглась полному уничтожению.

Помимо всего прочего, эти цифры представляют собой, на мой взгляд, очень убедительный ответ тем демагогам, у которых в отношении репрессий и дискриминации по национальному признаку в 40-50-х годах всегда наготове заученная фраза: "Мы все в то время одинаково страдали!"

Так вот, в возрастной группе 65-69 лет (т.е. у лиц, которые родились в 1933-37 гг. и должны были пойти в школу в 1940-44 гг.) среди современного немецкого населения России насчитывается 44,0% людей с начальным образованием, 9,5% без такового и 5,4% неграмотных, тогда как, к примеру, у русских - соответственно 23,6%, 1,3% и 0,6%.

А для тех, кто считает, что "во всем виновата война, начатая не нами, а немецкими фашистами", приведу соответствующие данные еще по двум возрастным группам, включающим только лиц, чей школьный возраст наступил уже после победоносного окончания войны, к развязыванию которой российские немцы не имели ни малейшего отношения. В группе людей, родившихся в 1938-42 гг., соответствующие показатели по немецкому населению России составляют 32,9%, 2,4% и 1,2% (у русских - 12,7%, 0,5% и 0,2%), а в группе уроженцев 1943-47 гг. - 9,8%, 0,5% и 0,3% (4,1%, 0,2% и 0,1%).

Не менее впечатляют, конечно, и аналогичные данные о людях 70 лет и старше: у немцев - 55,5%, 12,5% и 7,4%, у русских - соответственно 39,2%, 5,2% и 2,4%. Однако на эти цифры наложила отпечаток не только катастрофическая ситуация военных и послевоенных лет, но отчасти и более раннее отставание немцев России в области образования, о чем шла речь выше.

В задачи моего доклада не входит описание механизма пресечения доступа российских немцев к образованию, всех тех многообразных гнусных приемов, которые использовал в этих целях сталинский режим, пролетарско-интернационалистский по лозунгам и шовинистский по своей сути. Кое-что об этом уже известно, опубликованы и некоторые соответствующие документы, хотя таковых очень мало. Видимо, их и было не так уж много - как мы знаем, советский госаппарат предпочитал творить всевозможные подлости, прибегая не столько к бумаге, сколько к "телефонному" или "позвоночному" праву. К тому же многие секретные архивы тех лет, приоткрывшиеся полтора - два десятилетия назад, в последние годы вновь оказались за семью печатями.

К счастью, результаты дискриминационной политики в области образования российских немцев скрыть уже невозможно - их убедительно разоблачила современная демографическая статистика. И произошло это, по всей видимости, не по желанию нынешних власть имущих, а независимо от них, чаще всего не отягощенных ни сведениями о демографии или статистике, ни другими серьезными познаниями.

Обычно считается, что открытая дискриминация российских немцев в области образования прекратилась в середине 50-х годов, с отменой одиозного режима спецпоселения. Эту позицию разделяют не все наши соплеменники, но мой личный опыт ее подтверждает. Я пошел в школу в 1958 г., через 2,5 года после снятия нашей семьи со спецучета, и никакой дискриминации ни в школе, ни в Новосибирском и Ленинградском университетах, где мне довелось обучаться в 60-70-х годах, не подвергался.

Что же можно сказать о сравнительном уровне образования современных немцев России от 15 до 54 лет, начавших учиться с середины 50-х годов, и их русских сверстников? Немцы и здесь отстают по всем наиболее перспективным формам образования.

Так, у немцев послевузовское образование имеют 0,2% людей данного возраста, а у русских - 0,3%, высшее образование - соответственно 11,4% и 17,2%, незаконченное высшее - 2,9% и 4,0%, среднее специальное - 29,9% и 31,0%. В то же время начальное образование имеют 2,2% немцев и 1,5% русских, лишены даже его - соответственно 0,3% и 0,2%. Правда, по удельному весу неграмотных немцы и русские в этом возрасте уже неотличимы - по 0,2%.

Указанные закономерности прослеживаются среди всех групп населения - мужчин и женщин, селян и горожан. Исключения из этого правила редки, но для полноты картины мы укажем и их. Например, немцы-горожане от 15 до 54 лет опередили своих русских сверстников по наличию среднего специального образования - соответственно 33,3% и 32,1%. Среди сельских немцев этого возраста меньше, чем у русских, доля людей без начального образования - 0,5% и 0,6%, а также неграмотных - 0,4% и 0,5%.

Отметим и то, что с годами ситуация постепенно меняется к лучшему, однако эти изменения происходят, увы, очень медленно. Скажем, доля немцев с послевузовским образованием в возрастных группах от 25-29 до 50-54 лет почти одинакова и составляет 0,2-0,3%. С высшим образованием дело обстоит несколько иначе: здесь от группы 45-49 лет до группы 25-29 лет соответствующий показатель постепенно нарастает - с 12,3% до 15,8%. В этот ряд не вписываются только мои 50-54-летние ровесники: им первым представился реальный шанс получить полноценное образование, и они его не упустили - 14,6%. В то же время удельный вес немцев с начальным образованием уменьшается с 3,2% (группа 50-54 года) до 1,0% (25-29 лет).

Признаться, меня еще в детстве поражало странное, как мне казалось, нежелание некоторых моих немецких сверстников учиться, хотя я видел, что такое отношение к учебе в немалой мере определялось стереотипами воспитания в тогдашних немецких семьях. Впоследствии я имел прямое отношение к системе образования, посвятив почти полтора десятилетия преподавательской работе в вузах, но это явление остается для меня не до конца понятным до сих пор.

Могу только отметить, что глубоких исторических корней оно не имеет. Так, в 1897 г. на территории Европейской России (без Кавказа и польских губерний) доля лиц с образованием выше начального составляла у немцев 5,6%, а в среднем по всему населению - 1,2%, причем подобная картина наблюдалась в городах и селах, среди мужчин и женщин, независимо от возраста людей.

Отсюда со всей очевидностью вытекает, что повышенное равнодушие к учебе, а то и негативное отношение к ней были привиты российским немцам только в советский период. Первое постсоветское поколение немцев России, увы, не сумело преодолеть эту дурную "традицию". Так, в возрастной группе 15-19 лет (т.е. людей, родившихся в 1983-87 гг.) доля немцев с незаконченным высшим образованием составила 2,1%, а с начальным - 6,5% (у русских - соответственно 3,2% и 5,1%). Если ситуация не изменится и в дальнейшем, то трудно усомниться, что российских немцев ожидает в XXI веке весьма незавидная судьба.

Перепись 2002 г. впервые дает представление об источниках средств к существованию немцев России. Эти сведения представляют интерес еще и потому, что здесь, наряду с традиционными, представлены и некоторые источники, характерные для рыночной экономики. К сожалению, все эти новшества в значительной мере обесцениваются из-за того, что основной источник (он составляет у немцев России 32,9% от общего числа указанных источников) имеет совершенно несостоятельную формулировку - "доход от трудовой деятельности (кроме работы в личном подсобном хозяйстве)".

Статистики развитых стран давно уяснили, что труд труду - рознь. Скажем, официальная статистика ФРГ традиционно выделяет два соответствующих источника - "доход от несамостоятельного (т.е. наемного) труда" (Einkommen aus unselbständiger Arbeit) и "доход от предпринимательской деятельности и собственности" (Einkommen aus Unternehmungstätigkeit und Vermögen).

Отказ руководства Госкомстата РФ последовать этому примеру можно было бы объяснить просто профессиональной некомпетентностью. Однако вопрос 11.1 переписных листов свидетельствует о том, что эти деятели все же в состоянии отличить работу по найму и не по найму. Остается, на мой взгляд, один возможный мотив - стремление завуалировать источники доходов нашей новоявленной буржуазии. В итоге все оказалось "шито-крыто" - нет у нас, получается, ни предпринимателей, ни людей, живущих на громадные доходы от участия в капитале предприятий или от недвижимости. Скажем, доходы последней группы явно не покрываются категориями "сбережения" и "доход от сдачи внаем или в аренду имущества", выделенными Госкомстатом.

Судя по итогам переписи 2002 г., источники средств к существованию немецкого и русского населения России отличаются прежде всего значимостью личного подсобного хозяйства, дающего у немцев 17,3% всех источников доходов, а у русских - лишь 8,9%. Этот разрыв наблюдается среди всех категорий населения, достигая максимального размера у мужчин (соответственно 17,7% и 8,8%) и минимального - у сельских женщин (26,4% и 20,4%).

Данное явление возникло, конечно, не в наши дни и вызвано традиционной приверженностью российских немцев к труду на любом клочке земли и при любых обстоятельствах. Однако в условиях нашей нецивилизованной "рыночной экономики" с ее громадной безработицей и катастрофически низкой заработной платой труд в личном подсобном хозяйстве является очень существенным фактором достойной жизни и просто выживания.

В этом смысле можно говорить о том, что немцы России оказались приспособлены к нынешнему "рынку" значительно лучше русских. К такому же выводу подводят и сведения о количестве источников средств к существованию, имеющихся в распоряжении представителей двух народов. Среди немцев заметно меньше, чем у русских, таких людей, которые вынуждены обходиться всего одним источником (соответственно 62,1% и 73,1%) и, напротив, больше тех, кто имеет два, три и более подобных источника.

Я бы, однако, не стал преувеличивать значимость этих явлений. Специфически рыночные источники средств к существованию имеют мизерный удельный вес как у немцев, так и у русских: пособие по безработице - по 0,5%, сбережения - по 0,2%, доход от сдачи внаем или в аренду имущества - соответственно 0,2% и 0,1%.

Доля пособия по безработице заметно превышает указанный средний показатель только у женщин от 20 лет до пенсионного возраста - 1,2-1,3% (с учетом реального уровня безработицы это очень мало), доля сбережений достигает максимума у немецких мужчин-горожан 30-49 лет - 0,6%, а доля арендных доходов - на селе, у немецких мужчин старше 50 лет и немецких женщин 55-59 лет - по 0,6% (здесь, очевидно, отражены доходы от сдачи в аренду части своей земли, которую люди в таком возрасте уже не в состоянии обрабатывать сами).

Более половины источников средств к существованию и у немцев (51,1%), и у русских (54,9%) по-прежнему составляют доход от трудовой деятельности вне личного подсобного хозяйства и пенсия, включая пенсию по инвалидности. А эти источники в условиях нынешней России, как хорошо известно, далеко не в состоянии обеспечить подавляющему большинству населения сколько-нибудь приемлемый уровень жизни.

Из других источников рассмотрим, в частности, стипендии. Их удельный вес у немцев ниже, чем у русских, - соответственно 1,4% и 1,8%. Причину мы отмечали выше - немцы реже учатся в вузах, а также техникумах. Исключением являются в данном случае только городские женщины двух национальностей - у них указанные показатели составляют 2,4% и 2,1%.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: немецкие мужчины значительно реже русских находятся на иждивении отдельных лиц - соответственно 17,9% и 23,4%. Это

отличие наиболее заметно, как ни странно, в самой работоспособной группе 30-49-летних мужчин: в городе - 4,7% и 5,8%, на селе - 3,7% и 6,4%.

Я не берусь вскрыть все мотивы, побуждающие мужчин становиться иждивенцами в таком неподходящем возрасте. Ясно, однако, что одной из причин может явиться плохое состояние здоровья. Действительно, в этой группе немцев-горожан пенсии по инвалидности составляют 3,1% всех источников средств к существованию, а у русских - 3,3%. У селян эти показатели еще выше - 3,3% и 4,3%. Не может не сказаться, конечно, и относительно слабая активность русских мужчин в личном подсобном хозяйстве, отмеченная нами. В данной возрастной группе эта сфера деятельности доставляет немцам-горожанам 10,9% источников средств к существованию, тогда как их русским сверстникам - всего 6,7%, а на селе - соответственно 38,2% и 30,4%.

Наконец, нельзя не обратить внимания еще на одну тревожную тенденцию. Во всех возрастных группах горожан от 20 лет до пенсионного возраста 0,3% русских мужчин и женщин вообще не указали источника средств к существованию (у немцев соответствующие показатели составили по 0,1%). Здесь мы явно имеем дело не со случайным, а с устойчивым и значимым явлением, которое в современной социологии принято называть маргинализацией. Судя по итогам переписи 2002 г., это явление охватило в России 246 немцев (0,04%) и 239251 русского (0,21%). Реальные масштабы бедствия, конечно, гораздо больше - ведь переписи населения, как правило, учитывают далеко не всех лиц без определенных занятий и определенного места жительства.

В заключение проанализируем, насколько это позволяет имеющаяся статистика, процессы внешней миграции последних десятилетий, относящиеся к нашей теме, прежде всего - массовый выезд немцев и членов их семей из России в Германию. В дальнейшем мы будем кратко называть этих людей переселенцами, как принято сегодня в Германии.

Данный процесс регистрировался как в Германии (ФРГ), так и в РФ (РСФСР). В Германии опубликованы данные о прибытии переселенцев из СССР с 1951 г., однако до 1992 г. (т.е. в период существования СССР) - без выделения прибывших из РСФСР или других союзных республик. Соответствующая статистика о выезде (правда, значительно менее полная) известна и по России. Поначалу ни одна из двух стран не выделяла в общей массе переселенцев собственно немцев. Позднее это стали делать в России, но не в Германии.

Согласно российской статистике, в 1989 г. из РСФСР выехали в ФРГ 21,1 тыс. переселенцев, в 1990 г. - 33,8 тыс., в 1991 г. - 33,7 тыс. Сравнив приведенные цифры с германскими данными о приеме переселенцев со всей территории СССР за эти годы, получим соответственно 21,5%, 22,8% и 22,9%. Как видим, удельный вес переселенцев из России понемногу нарастал, но еще далеко отставал от доли немцев РСФСР в численности немецкого населения СССР на 1989 г. - 41,3%.

Данный рубеж был превзойден лишь в 1999 г. - ранее среди переселенцев однозначно доминировали немцы Казахстана. Это явление имело немаловажные причины - казахстанские немцы были расселены более компактно, чаще проживали в мононациональных семьях и имели родственников в ФРГ, попавших туда в годы войны или в процессе послевоенного приема переселенцев. Кроме того, в тот период немцы (как и русскоязычное население) испытывали в Казахстане больше опасений за свое будущее, чем в России.

Тем не менее, выезд переселенцев из РФ стал с 1992 г. быстро возрастать, достигнув абсолютного максимума в 1995 г. - 71685 чел. Затем этот уровень начал постепенно уменьшаться, но и в 2003 г. переселенцы из России в Германию еще насчитывали 49404 чел. В этот год они впервые составили более 2/3 всех переселенцев с территории бывшего СССР - 68,3%.

Поскольку российская статистика с 1993 г. учитывает и выезд в Германию собственно немцев, можно подсчитать их удельный вес в общей массе переселенцев из РФ: 1993 г. - 70,4%, 1994 г. - 68,8%, 1995 г. - 71,4%, 1996 г. - 60,9%. Этот показатель оставался на уровне

60-70% до 1999 г., а затем стал снижаться - теперь в Германию выезжали, как правило, не мононациональные семьи, которые проявили активность в данном отношении раньше остальных российских немцев, а смешанные семьи. Конечно, подобные цифры весьма условны - они очень сильно зависят от того, к какой национальности причисляются дети от смешанных браков. В данном случае, как нетрудно догадаться, родители должны были чаще всего записывать их немцами.

Раннюю выездную активность мононациональных семей подтверждают и сведения об отъезде из регионов наиболее массового проживания немцев в России. Так, в 1991 г. из Омской обл. выехали 20,5% всех российских переселенцев (доля региона в общей численности немцев РСФСР составила на 1989 г. 15,9%), Алтайского края - 14,5% (15,1%), Оренбургской обл. - 13,1% (5,6%), Краснодарского края - 5,6% (3,5%), Новосибирской обл. - 5,0% (7,3%), Кемеровской обл. - 3,9% (5,7%), из данных 6 регионов в целом - 62,6% (53,2%).

В 90-е годы выезду немцев принадлежало очень заметное место в общем процессе эмиграции из России в страны дальнего зарубежья. Удельный вес немцев составлял при этом: в 1993 г. - 41,7%, в 1994 г. - 44,6%, в 1995 г. - 46,5%, в 1996 г. - 39,1%, в 1997 г. - 35,5%, в 1998 г. - 35,2%, в 1999 г. - 32,8%, в 2000 г. - 36,2%, хотя в 1989 г. к немцам принадлежали всего 0,6% жителей РСФСР. В 1993-97 гг. немцы занимали в данном отношении 1-е место среди народов России, пока в 1998 г. их не сменили в этом качестве русские.

Представляют интерес и данные о доле немцев среди эмигрантов из России в Германию: 1993 г. - 76,8%, 1995 г. - 70,4%, 1998 г. - 61,0%, 1999 г. - 58,3%, 2000 г. - 55,6%. Как видим, этот показатель неуклонно снижался. Это происходило главным образом за счет быстрого нарастания удельного веса русских - с 18,4% в 1993 г. до 33,4% в 2000 г. Наблюдалась, как известно, и эмиграция из России в Германию евреев, однако их доля в общей массе эмигрантов была невелика и колебалась от 1,8% (1993 г.) до 4,0% (1998 г.).

Не столь известным, но также значимым процессом является миграция немцев из одних республик бывшего СССР в другие. Так, в 1989-99 гг. в Россию прибыли с этой территории 134072 немца, а выехали туда 47719, что повысило немецкое население РФ на 86353 чел. Отмечу и совсем малоизвестный факт: немцы переезжали в Россию даже из дальнего зарубежья (из каких именно стран, к сожалению, выяснить не удалось) - таковых в 1989-96 гг. насчитывалось 15467 чел. Правда, подавляющее их большинство (72,9%) прибыло в 1989-91 гг., еще до развала СССР. Без этих процессов показатели численности немцев России выглядели бы в 2002 г., конечно, гораздо скромнее.

Основные миграционные потоки в пределах бывшего СССР были, естественно, направлены из Казахстана в Россию и обратно - в 1989 г. в Казахской ССР и РСФСР проживало намного больше немцев, чем в остальных союзных республиках. В 1989-99 гг. в Россию переехали из Казахстана 98107 немцев (73,2% прибывших из стран бывшего СССР), тогда как из Киргизии - 12281 (9,2%), Узбекистана - 8223 (6,1%), Украины - 5455 (4,1%), Таджикистана - 4949 (3,7%). За указанный период на долю этих 5 стран пришлось 96,2% переселенцев в Россию с территории бывшего СССР.

Данный процесс достиг апогея в 1996 г., когда в РФ из стран бывшего СССР переселились 18309 немцев. Затем этот показатель стал все более ощутимо падать, составив в 1999 г. всего 5587 чел. В наименьшей мере падение наблюдалось в Казахстане, в результате чего доля этой страны в общей массе переселенцев достигла в 1998 г. уровня 88,8%.

Что касается немцев, выбывших из России в другие страны бывшего СССР, то больше всего их уехало за указанный период в Казахстан - 33386 (71,0% всех выехавших), на Украину - 4901 (10,3%), в Киргизию - 4056 (8,5%). Видимо, этот процесс был связан в основном с воссоединением семей, а в случае Украины - также с возвращением немцев России и их потомков в места прежнего проживания, чему способствовали, конечно, и известные широкообещательные обещания руководства Украины в 1991-92 гг., оказавшиеся на поверку блефом. В 1989-92 гг. количество немцев, выезжавших из России на Украину, даже превышало численность прибывавших оттуда.

Данные процессы были наиболее заметны в самом начале указанного периода. С 1992 г., т.е. после распада СССР, они заметно пошли на убыль, тогда как численность немцев, прибывших из этих стран в Россию, в 1992 г., напротив, резко возросла.

В последнее время нередко упоминается о случаях возвращения немецких переселенцев из Германии в Россию. Наша демографическая статистика не выделяет подобных людей, но некоторое представление об этом процессе все же дает. Так, согласно итогам переписи 2002 г., в стране проживало 43648 граждан РФ, имеющих два гражданства, и 1329 граждан ФРГ. Основная масса "возвращенцев" должна принадлежать к двум этим категориям - чаще всего, очевидно, к первой. Однако мы рассмотрим только последнюю из них, т.к. по первой категории в материалах переписи не указано, к каким странам относится второе гражданство.

В 2002 г. в РФ насчитывалось всего 18 субъектов, где проживало более 20 граждан Германии, причем лишь 4 таких субъекта (Москва, С.-Петербург, Калининградская и Московская обл.) не принадлежали к регионам "преимущественного проживания" немцев России, выделенным официальной статистикой. В целом в 21 подобном регионе (не считая Калмыкии, данные по которой не опубликованы) проживал 561 гражданин Германии, т.е. 42,2% от их общей численности в России. Перечень этих субъектов Федерации возглавляют Омская обл. - 65 чел., Краснодарский край и Новосибирская обл. - по 50, Алтайский край - 47.

Цифры, как видим, очень скромные, и к тому же они относятся отнюдь не только к "возвращенцам". Тем не менее, явление зафиксировано статистикой. Она свидетельствует и о том, что лишь в Омской обл. и Краснодарском крае речь идет о достаточно молодых людях. В остальные регионы, судя по этим данным, возвращаются в основном люди зрелого и пожилого возраста - видимо, не в последнюю очередь с целью воссоединения разорванных выездом семей. Этому процессу противодействуют слишком многие факторы, чтобы предположить, что он мог бы приобрести в будущем сколько-нибудь широкие масштабы.

Основные результаты всех упомянутых эмиграционных и иммиграционных процессов нам уже известны по материалам переписи 2002 г. Отметим только вдобавок, что после этого выезд из России в Германию стал стремительно падать, понизившись в 2004 г. до 33358 чел. (на 22,5% меньше уровня предыдущего года), а в дальнейшем - до совсем мизерных величин. Можно дискутировать о причинах этого явления (резкое ужесточение условий приема переселенцев в ФРГ, определенная стабилизация социально-экономической ситуации в РФ и т.д.), но одно, на наш взгляд, несомненно: возврата к массовому приему российских немцев и их семей в Германии в обозримом будущем больше не предвидится. Исходя из этого и из итогов переписи 2002 г., мы и попытаемся спрогнозировать возможное будущее немцев в России.

Не исключено, что при практическом отсутствии выезда следующая перепись (проведенная, скажем, в 2012 г.) зафиксирует более высокую численность немецкого населения в РФ, чем это было в 2002 г. Однако не эта сторона дела определяет будущее немецкого этноса в нашей стране. Несравненно важнее в данном случае другое обстоятельство - разрушительные ассимиляционные процессы, которые уже подвели российских немцев к грани этнического исчезновения.

По нашему мнению, без ощутимого притока немецкого населения извне (а его ожидать также не приходится) и при сохранении тех внутрисоссийских тенденций, которые мы проанализировали, вполне правомерен вывод о том, что немцы России вступают в последнюю стадию своего существования как самобытного этноса, история которого насчитывает многие десятилетия и даже века. Причина вполне очевидна: немцы - не евреи и не цыгане; примеров этнического самосохранения немцев в диаспоре, в условиях дисперсного проживания, мировая история просто не знает.

Между тем, в существующих условиях дальнейшее распыление немцев по территории России неизбежно. Этому способствует миграция немецкого населения с востока на запад, с

севера и юга европейской территории страны в ее центральную часть, о чем шла речь выше. Данный процесс, как мы видели, имеет некоторые точки притяжения, однако они разбросаны по гигантской территории от Калининграда до Волги, от С.-Петербурга до Белгорода. Нет сомнения, что миграция будет продолжаться и, более того, усиливаться - слишком многие немцы России все еще проживают в местах выселения, а также в регионах, где имеются серьезные межнациональные и социально-экономические проблемы.

По моему убеждению, немцы могут иметь будущее в России лишь при условии, что эти стихийные миграционные процессы приобретут организованный и целенаправленный характер. В отличие от некоторых небезызвестных фантазеров из рядов нашего национального движения, я никогда не позволял себе выступать с безответственными прожектами по "решению" немецкой проблемы в России, не имеющими почвы ни в законодательстве, ни в устремлениях самих российских немцев. Из этих позиций, я считаю, следует исходить и в нынешней критической ситуации.

Что мы имеем на сегодня? Во-первых, явное желание многих немцев России переселиться из мест изгнания в достаточно привлекательные регионы на территории европейской части страны, не в последнюю очередь - в Поволжье. Во-вторых, законодательный рычаг для реализации этих намерений в виде никем не отмененного, но фактически бездействующего Закона "О реабилитации репрессированных народов".

Только не надо в очередной раз рассказывать о том, что никто, якобы, не знает и не может предложить механизма реализации этого закона. Российские немцы наслушались подобной демагогии более чем достаточно. Этот пресловутый механизм был выработан и реализован задолго до появления самого Закона о реабилитации, в ходе восстановления национальных автономий калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов во 2-й половине 1950-х годов. Данный процесс основывался, как известно, на многообразной помощи государства в возвращении на малую родину всех желающих представителей перечисленных народов, незаконно депортированных оттуда, как и их потомков.

Здесь не место вдаваться в детали - тем более, что мы вели речь об этом на многих наших национальных форумах. Напомню только, что статья 3 указанного закона недвусмысленно определяет: "Реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством".

В результате насильственного перекраивания границ сталинским режимом у нас отняли не только Республику немцев Поволжья, но и Ванновский немецкий район в Краснодарском крае, Кичкасский немецкий район в Оренбургской обл., множество немецких сельсоветов на остальной территории РФ (один их перечень занимает более страницы убогистого текста в вышеупомянутом Энциклопедическом словаре "Немцы России: населенные пункты и места поселения").

Между тем, не считая жалких подачек, выплаченных некоторым депортированным российским немцам в виде "компенсации" за украденные у них государством родные дома, ничего похожего на реабилитацию в духе только что приведенного определения наш народ за более чем 16 лет действия Закона о реабилитации так и не дождался.

Что же мешает разработать и реализовать государственную программу добровольного возвращения немцев России на незаконно отторгнутые у них территории? То, что там, якобы, все заселено и невозможно найти место для немцев? Лживость подобных утверждений на примере территории Республики немцев Поволжья мне и моим коллегам доводилось отмечать уже не раз. Отсутствие средств у государства? В условиях устойчивого профицита госбюджета и неуклонного разбухания так называемого стабилизационного фонда об этом просто смешно говорить.

Российская Федерация с полной готовностью заявила сразу же после распада СССР, что является его правопреемницей. Но коли так, то нынешнее Российское государство обязано взять на себя и решение проблем, порожденных советским режимом на территории РФ. Тем более, когда соответствующие обязательства закреплены самим законодательством России, как в нашем случае.

Если же у государства нет воли или желания заниматься подобными делами, то ему не помогут ни публичные стенания по поводу аховой демографической ситуации, ни лихорадочные попытки взвинтить рождаемость, ни панические крики об угрозе потерять Дальний Восток и Сибирь, ни нелепые призывы к "освоению" этих территорий силами студенческих стройотрядов и специально откомандированных госчиновников, ни прожекты массового переселения на свою территорию соотечественников из ближнего зарубежья. Кого, в самом деле, может привлечь страна, где власти демонстрируют откровенное пренебрежение к собственным законам и равнодушно обрекают на исчезновение целые народы?

Виктор Дизендорф
Август 2007 г.